

УДК 398.2

DOI: 10.34670/AR.2021.76.48.016

Мотив наказания за нарушение запрета в фольклорной прозе хантов

Ерныхова Ольга Даниловна

Начальник Фольклорного центра,
Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок,
628011, Российская Федерация, Ханты-Мансийск, ул. Мира, 14а;
e-mail: urnhop@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена широко распространенному в различных жанрах хантыйского повествовательного фольклора мотиву наказания за нарушение запрета, связанного с несоблюдением хантыйских традиций, выполнение какой-либо работы в темное время суток, детское непослушание и др. Работа выполнена в рамках синхронно-диахронного подхода с привлечением опубликованных трудов исследователей хантыйского фольклора. Корпус фольклорных текстов исследован как единая художественная система, в основе которой лежат представления о лесных и других пугающих существах. Рассмотрев различные мотивы наказания за нарушение запрета в фольклорной прозе народа ханты, автор делает следующие выводы. Самое суровое и быстрое (мгновенное) наказание в виде смерти несут дети за нарушение запрета за непослушание взрослым и родителям. Не менее суровое, но отложенное по времени наказание в виде смерти, в том числе смерти близких, а также увечья несут взрослые за несоблюдение традиционных обычаев хантыйского народа, изготовление нитей из жил оленя. Относительно благоприятный исход в виде перенесенного испуга несут взрослые и дети за несоблюдение обычаев хантыйского этноса, неуважение к традиционным верованиям, а также оставление детей без присмотра.

Для цитирования в научных исследованиях

Ерныхова О.Д. Мотив наказания за нарушение запрета в фольклорной прозе хантов // Культура и цивилизация. 2021. Том 11. № 5А. С. 130-137. DOI: 10.34670/AR.2021.76.48.016

Ключевые слова

Быличка, мотив наказания, нарушение запрета, хантыйский фольклор, лесные существа, лесные духи.

Введение

Мотив наказания за какой-либо проступок или нарушение запрета – тема, которая находится в центре внимания литературоведов и фольклористов. Например, мотив наказания за нарушения запрета на инцест был исследован А.А. Бурыкиным. Он «рассматривает сюжеты некоторых хантыйских и мансийских сказок, мотивы которых обнаруживают аналогии в фольклоре народов Сибири» [Бурыкин, 2014, www]. По его авторитетному мнению, «сказочные мотивы, связанные с запретом на инцест и нарушением запрета на инцест в фольклоре народов Сибири, отражают только один тип запрещенной связи – связь младшего брата со своей старшей сестрой, что находит отражение в вариантах брачных норм и их допустимых вариантов по этнографическим материалам XIX в. По причине того, что старшей сестрой и младшим братом у многих народов Сибири и даже у русских старожилов Алтая считались мать и ее добрачный сын, автор пытался показать, что древнегреческий миф об Эдипе отражает примерно те же представления о допустимых и недопустимых союзах, которые характерны для архаических норм социальной жизни, сохранившихся у народов Сибири» [Там же].

Мотиву наказания за жадность в восточнославянской фольклорной прозе о кладах было посвящено исследование Н.Е. Котельниковой. В нем показано, как «этот мотив функционирует в сюжетах о кладах, который является одним из видов дьявольского искушения. Выявлены различные типы рассказов, в сюжеты которых включается рассматриваемый мотив» [Котельникова, 2015, www].

Мотив наказания в башкирской волшебной сказке был рассмотрен Г.Р. Хусаиновым. Им была предпринята попытка показать разнообразие употребления этого мотива в башкирских сказках. Как утверждает Г.Р. Хусаинов, наказанию в башкирских волшебных сказках «подвергаются больше положительные персонажи сказки, которые проявляются чаще в выполнении трудного задания. Отрицательные персонажи за свои злодеяния традиционно наказываются смертью» [Хусаинов, 2009, 141].

Основная часть

В фольклорной прозе хантов наказанию за нарушение какого-либо запрета подвергаются как взрослые, так и дети. Надо отметить, что запреты, играющие важную роль в хантыйской культуре, лежат в основе проблематики мифологии и фольклора, этнографии и культурологии, философии и народного права. Роль, назначение и место запретов у хантыйского народа исследователями не рассматривались и до сегодняшнего дня остаются системно и концептуально неизученными. Запрет касался практически всех сфер жизни северного человека. Табу накладывалось на ведение активной жизни в темное время суток (поздно вечером и ночью) – передвижение пешком и на оленьей нарте, изготовление нитей из жил оленя, пользование предметами, создающими сильный шум, излишнее веселье и смех, а также непослушание наказам родителей и взрослых. Нарушение запрета всегда было чревато появлением рядом с человеком мифических и зловредных существ, которые пытаются напугать, нанести вред герою или уничтожить его. Это такие персонажи в хантыйских фольклорных текстах, как «Вэнт утэт, Вэнт лөңх» (лесные существа, лесные духи), «Лон верты ими» (нити изготавливающая женщина), «вэнт ут ими» (лесная женщина), а также некие существа, которые, как правило, не имеют названия, но иногда описываются в фольклорной прозе как «Ики, тўт иты хөтлэл» (мужчина, излучающий свет подобно луне на небе), «Йөш хуца омсэм утэт»

(обитающие на дороге существа). Некоторые пугающие существа невидимы для человека, но при их появлении человек всегда испытывает необъяснимый страх и испуг, однако и они могут нанести явные разрушения и даже смерть людей.

По представлениям хантов, лесные существа, лесные духи очень высокого роста, обладают чудовищной силой, имеют длинные и густые ресницы вокруг глаз. Они живут так, как и люди: имеют высокие дома из лиственницы (самого прочного древесного материала). Их разговор между собой напоминает некий свист, голоса звонкие и громкие, говорят и понимают хантыйскую речь. Никого и ничего не боятся, опасаются только приближаться к березе, на которой содрана береста человеком, а также страшатся подходить к старой берлоге, в которой когда-то зимовал медведь [Каксина, 2014, 25-28]. Они бесконечно долго варят в своих котлах огромные куски мяса животных и при готовке на костре никогда не используют предметы домашней утвари: мясо достают из котла голыми руками и никогда не обжигаются, т. е. не обладают тактильной чувствительностью. У них, как и у людей, отмечаются праздники по случаю добычи медведя, они подобно людям разыгрывают театральные представления в виде ритуального праздника [Каксина, 2018, вып. 1, 4-9].

Хантыйская традиция обязывает увидевшему их человеку сразу отводить взгляд и ни в каком случае их пристально не рассматривать. Также существует запрет на какую-либо идентификацию увиденного лесного существа, в фольклорной прозе их называют иносказательно или совсем никак не называют, используя лишь отдельные слова, так или иначе позволяющие создать примерный образ («йёш кят пелка кърлал лоньцмал, лоль») (расставив ноги по обе стороны, стоит)) [Там же, 21].

Еще одним важным отличием лесных духов от человека является то, что лесные духи не имеют пупка – рубца на передней брюшной стенке, оставшегося после отпадения пуповины у новорожденного ребенка. Это обстоятельство указывает на то, что лесные духи появились на свет совсем другим путем, нежели люди. При случае в хантыйских фольклорных текстах лесные духи всегда подчеркивают эту особенность и непременно ее выделяют: «Нӓн пӓкнӓл эвтӓм хӓнты» (ты человек с перерезанной пуповиной) [Там же, 5].

Итак, рассмотрим мотив наказания в фольклорной прозе хантов, героями которой являлись взрослые, а нарушением запрета было неуважительное отношение к верованиям своих предков. Быличка «Как хантыйский мужчина на медвежий праздник к Лесным духам попал» свидетельствует об особенностях поведения, быта лесных существ. Поздней осенью в одном стойбище пропал мужчина, который на день отправился на охотничий промысел. Его уже и искать родственники перестали, однако он вернулся в полном здравии, хотя много времени прошло после его исчезновения. Рассказал, что пленили его лесные духи, взяв с собой на свой обрядовый праздник в честь добычи медведя (медвежий праздник). Сначала его хотели у себя оставить в работниках, но затем, пожалев,пустили. Дали с собой волшебный мешочек из налимьей кожи, из которого он уже дома стал вытаскивать пушнину, обеспечив таким образом потребности семьи [Там же, 4-9]. В представленном фольклорном тексте рассказчиком не раскрывается, какой запрет был нарушен героем, однако при уточнении все же становится очевидным, что наказание в виде пленения лесными духами произошло из-за отсутствия у человека веры в этих существ. Возможно, герой словами или своими мыслями отвергал их существование.

Подобное нарушение запрета прослеживается в быличке «О приходе Лесных духов к стойбищу дедушки». После употребления спиртного хозяин стойбища стал призывать лесных духов к своему дому, проявляя таким образом явное неуважение к верованиям своих предков.

Сам он быстро заснул, а его невестка с ребенком были очень напуганы приходом неизвестных существ, которые находились за пределами избы. Их присутствие выдавал скрип снега под тяжелыми ногами, стук по бревнам дома, а поутру и следы разного размера и формы. Как считает рассказчик, обитателей дома спас от расправы охотничий пояс с медвежьим клыком, повешенный у изголовья постели. Наказание последовало не виновнику случившегося, а членам его семьи в виде пережитого ужаса и страха [Там же, 9-10].

Неуважение к традиционным верованиям хантов также прослеживается в сюжете, связанном с существом, которое живет в озере. Как-то двое путников сели отдохнуть у озера, которое было известно им своей мрачной историей о нахождении в нем пугающих существ. С целью благополучного исхода путникам перед трапезой необходимо было поставить «хозяину этого места» угощение: чай, хлеб и др. Однако герои этого не сделали, и из-под воды явилось существо, напоминающее лодку больших размеров. Его шкура вследствие преломления солнечных лучей сверкала и блестела. Поскольку пристальное разглядывание такого рода существа запрещено, герои отвернулись. При следующем мимолетном взгляде на озеро это существо уже исчезло. Хотя оно сразу и не нанесло никакого ущерба путникам, кроме пережитого страха, но впоследствии его появление было связано со скорейшей смертью напарника рассказчика, который «и года не прожил» [Там же, 18-20].

Нарушение запрета, связанного с ритуальным проездом священных мест, отражено в быличке «На дороге обитающее существо». Проезд на оленьей упряжке любого священного места обязывает хантыйского человека сделать небольшую остановку или вожжи натянуть, в душе помолившись хозяевам этих мест. Герой данного фольклорного произведения этого не сделал, как, впрочем, и его жена. Она только лишь по поведению оленей почувствовала присутствие рядом пугающих существ, но на глаза они ей не явились. А вот ее муж увидел существо воочию, оно стояло посередине дороги, широко расставив ноги и сверкая ярким светом. Мужчина остался жив при встрече с ним, наказанием в данном случае явился пережитой ужас [Там же, 21-24]. Хотя в фольклорном тексте прямо и не повествуется о дальнейшем понесенном наказании, но при уточнении этого сюжета рассказчиком поясняется, что герой былички позже ослеп на один глаз, получив серьезную травму органа зрения. Свое увечье он связывал с нарушением запрета и явившимся вслед за этим пугающим существом на дороге.

Представленные выше сюжеты объединены запретом, который основывается на недопустимости неуважительного отношения к традиционным верованиям и обычаям своих предков. Наказание последовало не сразу, а было отложено по времени на неопределенный срок. В первых двух сюжетах наказание за нарушение запрета было мягким, ограничилось лишь перенесенным испугом и даже наградой в виде волшебного мешочка.

Достаточно распространенным в сказочной хантыйской прозе является демонологический мотив «лесные существа в заброшенном доме». Он связан с нарушением запрета обустройства ночлега в заброшенном доме, в качестве наказания людям являются пугающие существа – предвестники тяжелого заболевания и смерти. Этот демонологический мотив был рассмотрен автором ранее. В одной из быличек сургутских хантов указывается срок, после которого дом считается заброшенным. Если в течение семи лет человек по какой-либо причине не использовал покинутый дом, то, по представлениям хантов, он уже считался наводненным множеством зловредных духов [Ерныхова, 2020]. Наказание за нарушение запрета (смерть человека) в одном случае также было отложено по времени, а в других случаях, связанных с мотивом «лесные существа в заброшенном доме», закончилось пережитым страхом.

Нарушение запрета изготавливать нити из жил оленя в темное время суток связано с фольклорным персонажем Лон верты ими. Эта сказка опубликована в разных вариантах многими исследователями хантыйского фольклора [Немысова, Скрибник, 1995, 55-57; Слепенкова, 2010, 189-195; Чепреги, 2015, 51-59]. Наказанием является приход Лон верты ими к нарушившей запрет невестке. Лон верты ими предлагает устроить соревнование, кто быстрее нитей наделает из жил оленя, причем пользуется жилами, которые были вырваны ею из спины живой собаки. Благодаря находчивости невестки в сказке беды не случилось. Девушка подожгла мусорную кучу, в которой, по представлениям хантов, живет с детьми этот фольклорный персонаж. Лон верты ими, испугавшись, выскочила на улицу, забыв в избе свою серебряную (в других вариантах золотую) чашечку. Девушка схватила оставленную посуду и поставила ее на полку, где лежат приклады к божествам. Затем лицо свое рыбьим жиром помазала и быстро спать улеглась, где уже спали все остальные домочадцы. Лон верты ими вернулась и обнаружила, что ее чашечка лежит на полке с прикладами, к ним приблизиться она не решилась. Начала Лон верты ими девушку искать, ощупывая всех домочадцев. Смазанное лицо девушки приняла за давно уже спящего человека. Так и ушла ни с чем [Слепенкова, 2010, 189-191].

Надо отметить, что в других вариантах этой сказки концовка оставляет желать лучшего. Наказание за нарушение запрета все же настигло девушку: Лон верты похитила у нее сына, поселив его рядом со своими детьми в мусорной куче, и мать больше уже никогда не увидит своего ребенка [Немысова, Скрибник, 1995, 55-57; Чепреги, 2015, 51-59].

Одним из самых суровых наказаний за нарушение запрета является практически мгновенная расправа лесных духов над человеком. Эти сюжеты обычно связаны с детьми и подростками, которые поплатились за непослушание и своевольное поведение. В «Быличке о непослушных детях» повествуется, что в одной семье с четырьмя детьми родители, уехав, оставили детей со слепой бабушкой, которая не могла обеспечить должный контроль. Дети, расшалившись, начали громко шуметь, проигнорировав наказания родителей. Затем на оленьей упряжке на летнее стойбище отправились. Там и поймало их неизвестное существо, расправившись с детьми самым жестоким образом. В фольклорном тексте подробно описывается сцена кровавой расправы над детьми [Каксина, 2018, вып. 1, 32-37].

Быличка «Случай в юртах Лозямовых» перекликается с вышеприведенным сюжетом. В ней трое мальчиков также были оставлены уехавшими по делам родителями на попечение слепой бабушки. Пожилая женщина отправила их на осеннее стойбище за сушеной рыбой, наказав тут же вернуться. Но дети ослушались наказа и решили затопить чумал, задумав заночевать там. Наказание за нарушение запрета последовало сразу. К ним явилось лесное существо, до утра пугавшее мальчиков. Вернулись они на следующий день к бабушке без рыбы, и та снова их отправила за провизией, не поверив им. Вернувшись на осеннее стойбище, дети всю рыбу погрузили на нарты, и на обратном пути существо все же догнало их и расправилось с ними [Чепреги, 2015, 32-36].

Становится очевидным, что непослушание наказам взрослых заканчивалось смертью детей. Более мягкое наказание понесли две девочки, которые также ослушались бабушки с дедушкой в «Быличке о ночном купании детей в озере». Они в период «белых ночей» задумали искупаться на озере, и им в разгар веселья явилось пугающее существо в виде бревна, покрытое шерстью. Они испугались, убежали домой и наутро рассказали об увиденном старикам [Каксина, 2018, вып. 1, 47-50]. В данном сюжете наказание за нарушение запрета последовало в виде кратковременного испуга. Необходимо отметить, что другие сюжеты с участием детей заканчивались только лишь появлением существ, но развязка была всегда благополучной и без каких-либо последствий.

Примером такого исхода служит быличка «Лесная женщина и две девочки». В один из дней на одном из хантыйских стойбищ неожиданно потеряли двух девочек. К счастью, искавшие их люди обнаружили их следы на песке, которые позволили быстро обнаружить девочек. Потерявшиеся пояснили, что их вела куда-то добрая и красивая женщина, которая при приближении людей куда-то исчезла. Рассказчик поясняет, что дети «остались живы благодаря духам-покровителям» [Там же, 45-47]. В этом фольклорном сюжете хоть прямо и не поясняется, какой в данном случае был нарушен запрет, но становится очевидным, что девочки длительное время находились без присмотра взрослых. И именно это обстоятельство могло явиться нарушением запрета, но только не со стороны детей, а со стороны взрослого человека. Возможно, только поэтому последовало мягкое наказание: дети нашлись и даже не испытали страха.

Подобная развязка упоминаются в быличке «Молодой месяц у ворот короля». Дети, выйдя на улицу, поздно вечером обнаружили, что пугающее существо в виде молодого месяца, испуская яркий свет, стоит у ворот короля и смотрит на них. Сначала дети страх не испытали, рассказывая со смехом об этом феномене своей матери. Однако мать веселья с ними не разделила и очень испугалась. Вслед за ней испытали страх и дети, быстро спрятавшись в постель [Там же, 37-39]. Пугающее существо далее никак не напомнило о себе, и развязка была благополучной. В данном случае прослеживается нарушение запрета, связанного, как и в прошлом сюжете, с действиями взрослых. Дети в темное время суток должны быть под присмотром своих родителей.

Заключение

Рассмотрев различные мотивы наказания за нарушение запрета в фольклорной прозе народа ханты, можно сделать следующие выводы. Самое суровое и быстрое (мгновенное) наказание в виде смерти несут дети за нарушение запрета за непослушание взрослым и родителям. Не менее суровое, но отложенное по времени наказание в виде смерти, в том числе смерти близких, а также увечья несут взрослые за несоблюдение традиционных обычаев хантыйского народа, изготовление нитей из жил оленя. Относительно благоприятный исход в виде перенесенного испуга несут взрослые и дети за несоблюдение обычаев хантыйского этноса, неуважение к традиционным верованиям, а также оставление детей без присмотра.

Библиография

1. Бурькин А.А. Эдип в свете этнографии. Хантыйские сказки и древнегреческий миф // Вестник угроведения. 2014. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/edip-v-svete-etnografii-hantyyskie-skazki-i-drevnegrecheskij-mif/viewer>
2. Ерныхова О.Д. О демонологическом мотиве в хантыйских быличках «лесные существа в заброшенном доме» // Материалы Международной научно-практической конференции «Инновационные исследования: опыт, проблемы внедрения результатов и пути решения». Уфа, 2020. С. 168-170.
3. Каксина Е.Д. (сост.) Невероятные истории из жизни казымских хантов. Ханты-Мансийск, 2018. Вып. 1. 60 с.
4. Каксина Е.Д. (сост.) Поющая женщина из Эхт Югана. Тюмень: Формат, 2014. 128 с.
5. Котельникова Н.Е. Мотив наказания за жадность в фольклорной прозе о кладях // Традиционная культура. 2015. № 4. URL: http://www.trad-culture.ru/sites/default/files/files_pdf/10-Kotelnikova.pdf
6. Немысова Е.А., Скрибник Е.К. (ред.) Сказки народа ханты: казымский диалект. СПб.: Алфавит, 1995. 143 с.
7. Слепенкова Р.К. (сост.) Если моя песня-сказка дальше пойдет... Ханты-Мансийск, 2010. 234 с.
8. Хусаинов Г.Р. Мотив наказания в башкирской волшебной сказке // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 22. С. 141-143.
9. Чепреги М. (сост.) Сказки и рассказы сургутских ханты. Тюмень: Формат, 2015. 118 с.

The motive of punishment for violating the ban in the folklore prose of the Khanty

Ol'ga D. Ernykhova

Head of the Folklore Center,
Ob-Ugric Institute of Applied Research and Development,
628011, 14a Mira str., Khanty-Mansiysk, Russian Federation;
e-mail: urnhop@yandex.ru

Abstract

The article is devoted to the motive of punishment for violating the ban related to the non-observance of Khanty traditions, doing any work at night, child disobedience, etc., which is widely spread in various genres of Khanty narrative folklore. The work is carried out within the framework of the synchronic and diachronic approach with the involvement of published works on Khanty folklore. The corpus of folklore texts is studied as a single artistic system based on ideas about forest and other frightening creatures. Having considered various motives of punishment for violating the ban in the folklore prose of the Khanty people, the author of the article comes to the following conclusions. The most severe and rapid (instantaneous) punishment in the form of death is imposed on children for their disobedience to adults and parents. No less severe, but delayed punishment in the form of death, including the death of loved ones, as well as injuries are imposed on adults for non-compliance with the traditional customs of the Khanty people. Adults and children for non-compliance with the customs of the Khanty ethnic group, disrespect for traditional beliefs, as well as leaving children unsupervised have a relatively favorable outcome in the form of fright.

For citation

Ernykhova O.D. (2021) Motiv nakazaniya za narushenie zapreta v fol'klornoj proze khantov [The motive of punishment for violating the ban in the folklore prose of the Khanty]. *Kul'tura i tsivilizatsiya* [Culture and Civilization], 11 (5A), pp. 130-137. DOI: 10.34670/AR.2021.76.48.016

Keywords

Folkloric account, motive of punishment, violation of the ban, Khanty folklore, forest creatures, forest spirits.

References

1. Burykin A.A. (2014) Edip v svete etnografii. Khantyiskie skazki i drevnegrecheskii mif [Oedipus in the light of ethnography. Khanty fairy tales and the ancient Greek myth]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric studies], 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/edip-v-svete-etnografii-hantyyskie-skazki-i-drevnegrecheskij-mif/viewer> [Accessed 29/08/21].
2. Csepregi M. (comp.) (2015) *Skazki i rasskazy surgutskikh khanty* [The fairy tales and stories of the Surgut Khanty]. Tyumen: Format Publ.
3. Ernykhova O.D. (2020) O demonologicheskom motive v khantyiskikh bylichkakh "lesnye sushchestva v zabroshennom dome" [On the demonological motive "forest creatures in an abandoned house" in Khanty folkloric accounts]. *Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii "Innovatsionnye issledovaniya: opyt, problemy vnedreniya rezul'tatov i puti resheniya"* [Proc. Int. Conf. "Innovative research: experience, the problems of the implementation of results and solutions"]. Ufa, pp. 168-170.
4. Kaksina E.D. (comp.) (2018) *Neveroyatnye istorii iz zhizni kazymskikh khantov* [Incredible stories from the life of the

-
- Kazym Khanty], Vol. 1. Khanty-Mansiysk.
5. Kaksina E.D. (comp.) (2014) *Poyushchaya zhenshchina iz Ekht Yugana* [A singing woman from Eht Yugan]. Tyumen: Format Publ.
 6. Khusainov G.R. (2009) Motiv nakazaniya v bashkirskoi volshebnoi skazke [The motive of punishment in Bashkir fairy tales]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 22, pp. 141-143.
 7. Kotelnikova N.E. (2015) Motiv nakazaniya za zhadnost' v fol'klornoi proze o kladakh [The motive of punishment for greed in folklore prose about treasures]. *Traditsionnaya kul'tura* [Traditional culture], 4. Available at: http://www.trad-culture.ru/sites/default/files/files_pdf/10-Kotelnikova.pdf [Accessed 29/08/21].
 8. Nemysova E.A., Skribnik E.K. (eds.) (1995) *Skazki naroda khanty: kazymskii dialekt* [The fairy tales of the Khanty people: the Kazym dialect]. St. Petersburg: Alfavit Publ.
 9. Slepenskova R.K. (comp.) (2010) *Esli moya pesnya-skazka dal'she poidet...* [If my song – fairy tale goes on...] Khanty-Mansiysk.